

УДК 81'42

Кириченко В.О.*Московский государственный областной университет***ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМОЙ
'ОДИНОЧЕСТВО' В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!»**

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с адекватностью передачи при переводе с английского языка на русский лексических единиц с семой 'одиночество' в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». В ходе исследования установлено, что основные трудности перевода таких лексических единиц связаны, в первую очередь, со сложностью интерпретации понятия "одиночество" и с проблемой понимания этой семы. Все лексические единицы можно подразделить на три большие группы ("физическое состояние", "душевное состояние" и "проявление состояния через предметы") и сопоставить особенности их передачи на русский язык.

Ключевые слова: перевод, сема, одиночество, анализ, интерпретация, лексическая единица.

V. Kirichenko*Moscow State Regional University***THE PROBLEM OF TRANSLATING LEXICAL UNITS WITH
THE SEME 'LONELINESS' IN ERNEST HEMINGWAY'S STORY
"A FAREWELL TO ARMS"**

Abstract. The present paper contains the analysis of the problem of adequate translation of lexical units with the seme 'loneliness' in Ernest Hemingway's "A Farewell to Arms". The difficulty of translating lexical units is directly related to the complexity of the interpretation of the notion 'loneliness' and the problem connected with the understanding of that notion. All lexical units, which contain the seme 'loneliness' can be divided into three large groups (physical state, state of mind, manifestation of state through subjects) and then peculiarities of their translation into Russian can be compared.

Keywords: translation, seme, loneliness, analysis, interpretation, lexical unit.

Изучение проблем перевода художественного текста невозможно без учёта теоретических вопросов, связанных с лингвистической когезией текста, в частности художественного, и общими проблемами перевода. При переводе любого текста основная задача переводчика – достижение адекватности ИТ (исходного текста) и ПТ

(переводного текста). Мы используем понятие *адекватности*, а не эквивалентности, разделяя точку зрения В.Н. Комиссарова, что «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» – понятия неидентичные, хотя и тесно связанные друг с другом. Под *эквивалентностью* он понимает смысловую общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи. По утвержде-

нию учёного, термин «адекватный перевод» имеет более широкий смысл и используется как синоним «хорошего перевода», т. е. перевода, обеспечивающего необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях [3].

Рассматривая проблему перевода лексических единиц с семой 'одиночество' в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», отметим, что, как конструктивные компоненты, семы не равнозначны по статусу и характеру. Подчеркнём, что помимо сем, лежащих в основе смысловой структуры слова, существуют *контекстуальные семы*, служащие для выражения различных ассоциаций, возникающих при употреблении слова в различных ситуациях. Контекстуальные семы всегда связаны с обозначаемым явлением или предметом, и именно они лежат в основе различных оттенков значений языковых единиц. Любое производное значение воспроизводится за счёт коннотативных смысловых оттенков каждой языковой единицы. При анализе и переводе значения каждого слова оптимально определение отношений единицы с любой другой единицей семантического поля, её места, роли и значимости [1; 2].

При анализе текста Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» проблема перевода лексических единиц с семой 'одиночество' связана с тем, что понятие «одиночество» относится к таким категориям, реальный жизненный смысл которых отчётливо представляется обыденному сознанию, однако кажущаяся ясность и прозрачность обманчивы, они скрывают сложное, противоречивое философское содержание, ускользающее от рационального анализа. Так, «одиноче-

ство», в отличие, от «изоляции» человека, которая может быть добровольной и наполненной собственным смыслом, свидетельствует о разладе личности, дисгармонии, страдании и кризисе [5]. Сложность перевода подобных лексических единиц непосредственно связана с пониманием проблемы одиночества, с условиями жизни человека, осознанием того, что он одинок в окружении других.

Как показывает анализ, Э. Хемингуэй в романе «Прощай, оружие!» часто использует словосочетания и предложения, передающие значение 'одиночество'. Проанализировав 135 лексических единиц с семой 'одиночество', мы предлагаем следующую классификацию и выделяем три основные лексико-семантические группы:

- *Физическое состояние* (эта группа самая большая, в неё входит 91 единица);
- *Душевное состояние* (эту группу составляет 41 единица);
- *Проявление состояния одиночества через материальные объекты* (самая малочисленная группа – в неё входит только 3 единицы).

Отметим, что для усиления эффекта одиночества автор часто использует в одном предложении одновременно несколько слов или словосочетания, передающие это ощущение.

При переводе этих лексических единиц наиболее эффективен метод комментирования, поскольку текст романа изобилует многочисленными аллюзиями и игрой слов.

Рассмотрим сложности и проблемы перевода лексических единиц с семой 'одиночество' на примере основных выявленных в тексте групп, выражающих данное состояние.

I. Физическое состояние

a) «Poor Rinaldi», I said. «All alone at the war with no new girls» [8, с. 35].

– *Бедный Ринальди!* – сказал я. – *Один-одинёшенек на войне, и нет ему даже новых девочек* [7, с. 36].

Для усиления значения физического состояния одиночества, выраженного в ИТ *all alone*, в ПТ используется выражение *один-одинёшенек*. Перевод этого предложения не эквивалентен, но адекватен; его цель – передать острое состояние одиночества человека – достигнута.

b) I think I will go to sleep. I was alone in the room [8, с. 44].

Я попытаюсь уснуть. Я остался один в комнате [7, с. 44].

При переводе лексической единицы ИТ *alone как один* в ПТ выделяется обыденное значение этого слова, за простотой которого скрывается глубокий смысл сложности ощущения физической отдалённости. Здесь слово *alone (один)* – ключевое слово в обоих предложениях, выражающее их духовное значение.

c) **No one** to come in at night from adventures. **No one** to make fun of. **No one** to lend me money. **No** blood brother and roommate [8, с. 35].

Не с кем возвращаться домой после ночных походов. Некого дразнить.

Единица ИТ *no one* представлена в ПТ следующими словами и выражениями: *не с кем, некого, не у кого*. Можно перевести эти выражения единообразно, как «нет никого», однако для подчёркивания всей сложности понимания одиночества как физического состояния необходим именно контраст. Отметим, что лексические повторы не приветствуются при переводе.

При выражении состояния одиночества как физического состояния переводчик должен обладать фоновыми знаниями философии и пониманием того, что одиночество – *неслиянность* – это изначальная и неодолимая обособленность существования “Я” от других существований [4; 6]. Понимание философских традиций вместе со знаниями теории перевода помогает перевести лексические единицы с семой ‘одиночество’ с учётом всей многогранности понятия.

II. Душевное состояние

a) They had the complete, marble quality of all looking alike. Sculpture had always seemed a **dull business** – still, bronzes looked like something. But marble busts all looked like a cemetery [8, с. 15].

По общему свойству мраморных статуй они все казались на одно лицо.

На меня скульптура всегда нагоняла тоску; ещё бронза куда ни шло, но мраморные бюсты неизменно напоминают кладбище [7, с. 16].

Словосочетание *a dull business* заменено при переводе на русский язык словом *тоска*, а общий стиль перевода романа на русский язык отличается меньшей эмоциональностью и использованием разговорных выражений по сравнению с оригиналом. При переводе художественных текстов с английского языка на русский переводчик вынужден иногда прибегать к подобного рода стилистической адаптации.

b) I went out the door and suddenly I felt **lonely** and empty [8, с. 22].

Я вышел из приёмной, и мне вдруг стало тоскливо и неудобно [7, с. 23].

Наречие *lonely* переведено на русский язык наречием *тоскливо*, а не *одинок*, так как выбранный перевод-

чиком вариант более точно выражает душевные муки человека, испытываемые при вынужденном одиночестве.

III. Проявление состояния через предметы

a) There was **one smashed bridge** across the river [8, с. 25].

Через реку вёл только один полуразрушенный мост [7, с. 26].

В данном примере, для того, чтобы подчеркнуть глубину переживания одиночества, автор метафорически представляет его в виде полуразрушенного моста, затрудняющего или делающего невозможным соединение с другими людьми.

b) All the drivers wore puttees but Passini had only **one leg** [8, с. 30].

Все шофёры ходили в обмотках. Но у Пассини оставалась только одна нога [7, с. 31].

Образ одноногого, увечного человека используется автором как свидетельство одиночества, выраженного физически.

c) The trunks of the trees too were dusty and the leaves fell early that year and we saw the troops marching along the road and the dust rising and leaves, stirred by the breeze, falling and the soldiers marching and afterward the road **bare and white** except for the leaves [8, с. 3].

*Стволы деревьев тоже были покрыты пылью, и листья рано начали опадать в тот год, и мы смотрели, как идут по дороге войска, и клубится пыль, и падают листья, подхваченные ветром, и шагают солдаты, а потом только листья остаются лежать на дороге, **пустой и белой** [7, с. 3].*

Образ осенней, обнажённой дороги, покрытой белой пылью, используется автором для передачи душевной

опустошённости и внутреннего одиночества человека.

d) The path was wet and muddy. We did not see any troops; **only abandoned** trucks and stores. Along the river bank there was nothing and no one but the wet and muddy ground [8, с. 109].

Тропинка была мокрая и грязная. Людей не было видно, только брошенное имущество и машины. На самом берегу не было никого и ничего, кроме мокрого кустарника и грязной земли [7, с. 108].

В данной отрывке отсутствие людей и наличие брошенных вещей, техники, опустевшей земли собирательно усиливают ощущение опустошённости, заброшенности и разрухи.

Концептуальная особенность содержания художественного текста точно передана при переводе всех этих предложений. Переводчик остаётся верен стилистике, сути и настроению текста романа.

В оригинальном тексте используются многообразные способы передачи ощущения, в том числе при помощи фразеологических оборотов и авторских сравнений. Рассмотрим следующий пример:

They avoided looking at me and were very scornful of a civilian my age.

I myself felt as sad as the wet Lombard country that was outside through the window. There were some aviators in the compartment who did not think much of me. They avoided looking at me and were very scornful of a civilian my age [8, с. 126].

Настроение у меня было тоскливое, как мокрый ломбардский ландшафт за окном. В купе сидели какие-то лётчики, которые оценили меня не слишком высоко. Они избегали смотреть на

меня и подчёркивали своё презрение к штатскому моего возраста [7, с. 125].

Авторское сравнение *тоскливое, как мокрый ломбардский ландшафт* передаёт состояние одиночества и покинутости. Сема 'одиночество' прослеживается в данном примере именно через контекст, посредством семантических компонентов. Тем самым *тоскливый* указывает на состояние покинутости, по сравнению с *мокрым ломбардским ландшафтом за окном*. Соответственно, при анализе контекста, сема 'одиночество' наглядно демонстрируется на примере этого отрывка, выступая неотъемлемым компонентом, с помощью которого раскрывается полный смысл, заложенный в данном выражении.

Отметим, что часто перевод предложений со сложной структурой оказывается невозможным; например:

«Then nothing worries you?»

«**Only being sent away from you**» [8, с. 60].

– *Значит, тебя ничто не тревожит?* – *Только мысль о том, что нас могут **разлучить*** [7, с. 61].

В русском переводе понятием с семой 'одиночество' выступает глагол *разлучить*. В английском же тексте сема 'одиночество' заключена в выражении *being sent away from you*. Анализируя этот отрывок, отметим, что в русском предложении, в соответствии с грамматической структурой русского языка, нет эквивалентов английским служебным словам, и значения передаются в русском тексте не словами, а морфемами (формой инфинитива).

Феномен одиночества в произведении Э. Хемингуэя многомерен. При переводе значение каждого предложения не равняется сумме значений

его компонентов, то есть слов, в силу чего пословный перевод таких словосочетаний оказывается в большинстве случаев невозможным, и в качестве единицы перевода выступают все словосочетания или предложения в целом.

Перевод произведения Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» отличается высоким качеством, а также ориентированностью на точную передачу концептуальной информации текста – понятия «одиночество». Основываясь на проанализированном материале, отметим, что переводчик, стремясь как можно глубже передать главную идею повествования, подбирает нередко узувальные эквиваленты переводящего языка, использует нейтральные лексические единицы для стилистически маркированной лексики оригинала и пытается достичь полноценного языкового оформления, сохраняя потенциал текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 640 с.
5. Пузанова Ж.В. Проблема одиночества (социологический аспект). М.: РУДН, 1998. 59 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
7. Хемингуэй Э. Прощай, оружие! / пер. с англ. Е.Д. Калашникова. М.: АСТ, 2009. 382 с.
8. Hemingway E. A farewell to arms. Publisher New York Scribner, 1929. 374 p.